

MOR. SUL.

Милан 1930

Cairistiona Shot

18+

Cairistiona Shot
Mor. Sul. Милан 1930

«Автор»

2026

Shot C.

Mor. Sul. Милан 1930 / C. Shot — «Автор», 2026

Милан, 1930 год. Фашистская квестура находит почтенного антиквара мёртвым в подпольном казино, а его дочь Марию Моранди — на пороге нищеты. Единственное, что у неё остаётся, — латунный ключ и странные португальские записи отца. Вице-комиссар Луиджи Кортеше даёт ей выбор: перевести шифр — или её семья пойдёт под трибунал. Днём Мария работает секретарём у издателя. Вечером — переводит записи в кабинете квестуры. Ночью — ведёт собственное расследование. Но чем ближе она к разгадке, тем яснее понимает: Кортеше не просто преследователь. Он — единственный, кто может её спасти. И самый опасный человек, которого она когда-либо встречала.

© Shot C., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Cairistiona Shot

Mor. Sul. Милан 1930

Глава 1

Глава 1. Тени старого особняка.

Осенний свет едва пробивался сквозь высокие стрельчатые окна библиотеки Миланского университета. В огромном зале комплекса на Корсо ди Порто Романа стояла гулкая, монастырская тишина. В ней было отчётливо слышно, как перо царапает бумагу и как кто-то в дальнем конце зала переворачивает страницу, бережно придерживая её пальцем, чтобы не шелестела.

Мария Моранди сидела, низко склонившись над плотной рабочей тетрадью. Быстрым, аккуратным почерком она выписывала архаичные фразы на португальском языке. После утренней лекции по сравнительному языкознанию, где профессор долго разбирал латинские корни, эта самостоятельная работа казалась Марии особенно интересной. Накануне вечером в домашнем кабинете они с отцом разбирали портовые ведомости Лиссабона семнадцатого века. Сам бесценный оригинал оставался запертым в массивном сейфе Альберто Моранди. Но Мария, помогая отцу, выписала в свою тетрадь самые сложные, полузабытые идиомы моряков, которые не поддавались обычной логике. Именно с этой рабочей тетрадью она и пришла сегодня на кафедру романской филологии, чтобы попросить совета у своего профессора — лучшего знатока романских диалектов в Ломбардии.

Профессор Бьянки — старик в круглых очках, с вечно дрожащими пальцами — долго изучал её записи. Он шевелил губами, сверялся с академическими словарями, качал головой. Мария терпеливо ждала, разглядывая его поредевшие седые волосы, и чувствовала, как от старых книг, которыми был заставлен его кабинет, пахнет плесенью и почему-то мятой.

— Синьорина Моранди, это поразительно, — тихо произнес он, возвращая ей тетрадь и одобрительно улыбаясь. — Этот оборот — не просто португальский. Это редкий диалект Алгарве, заимствованное у арабских торговцев. Вы абсолютно верно определили корень слова в третьем предложении. Отец может гордиться вами, у вас феноменальное лингвистическое чутье. Передайте синьору Альберто моё почтение.

— Спасибо, профессор, — Мария с облегчением улыбнулась и надела колпачок на авторучку, заметив, что на среднем пальце остался крошечный фиолетовый след. *Ручка слегка протекла во время утренней заправки из чернильницы*, — подумала Мария.

Когда она вышла на улицу, Милан уже тонул в сырых октябрьских сумерках. Город жил в своем привычном ритме: звенели двухцветные трамваи Ventotto, на уличных перекрёстках торговцы жарили каштаны на огромных чугунных жаровнях, наполняя воздух сладковатым дымом. Мария шла не торопясь, прижимая к груди кожаную университетскую сумку. Она не отличалась той цветущей, румяной красотой, которую воспевали на плакатах и страницах официальных журналов. Лицо её было бледным, линии подбородка — слишком строгими, а взгляд карих глаз — излишне серьезным для молодой синьорины. Её пышные каштановые волосы, завитые с утра в мягкие кудри, сейчас немного растрепались от сырости, но всё ещё держались в аккуратной причёске, обрамляя воротник элегантного твидового тайёра.

Тяжелая дубовая дверь фамильного особняка Моранди в Брере, построенного её прадедом еще в середине девятнадцатого века, закрылась за её спиной с привычным глухим стуком. Внутри трехэтажного дома царил прохладный полумрак, пахнувший старой бумагой, пчелиным воском и сушеными розами. В прихожей, на стене, висел портрет короля Виктора Эммануила III — в мундире, с усами, с усталыми глазами человека, который подписал слишком много бумаг и видел слишком много войн. Отец повесил его сюда после венчания Кьяры, сказав: «В

доме должен быть порядок. Даже если этот порядок нам не по душе». Мария иногда ловила себя на мысли, что король смотрит на неё с немым укором — будто знает что-то, чего не знает она.

Из гостиной послышался неровный топот крошечных ножек в кожаных пинетках. Годовалый Лео, удерживая равновесие у стены, радостно залепетал и потянулся к Марии, хватая пальчиками край её твидовой юбки.

— Попался, маленький синьор, — ласково улыбнулась Мария. Она отложила вещи на мраморную консоль, присела на корточки и аккуратно удержала за плечи пухлого племянника, уткнувшегося лбом в её колени. От Лео пахло молоком и детской присыпкой — тем особым запахом, который Мария любила с того самого дня, как сестра привезла его из родильного дома.

В гостиной за столом, застеленным кружевной скатертью, сидела её старшая сестра Кьяра, склонившись над очередным тонким узором. Её светлые волосы были безупречно уложены волнами у висков и подколоты на затылке черепаховым гребнем — Мария сразу узнала этот гребень, он принадлежал ещё их матери. Кьяра всегда надевала его, когда хотела казаться спокойнее, чем было на самом деле.

Она отложила кружево и коснулась ладонью теплого фарфорового чайника.

— Ты сегодня совсем поздно, Мария, — тихо сказала Кьяра, переводя на неё уставший взгляд. — Налей себе чаю, он ещё теплый.

Мария отпустила малыша к деревянным игрушкам на ковер, присела к столу и устало потерла переносицу, наслаждаясь домашним теплом. Она налила в фарфоровую чашку крепкий настой с бергамотом и сделала глоток, вдыхая его густой аромат.

— Профессор Бьянки не отпускал меня, пока мы не закончили с португальскими текстами. Кьяра, отец уже у себя в кабинете? Хочу показать ему заметки.

Кьяра покачала головой, и в её прозрачно-голубых глазах мелькнула легкая тень беспокойства. Она тревожно взглянула на каминные часы, которые мерно отсчитывали минуты — старые, ещё дедушкины, с боем, который никогда не был точным.

— Нет, Мані. Отец ушел еще в полдень. Сказал, что синьор Фонтана ждет его в издательстве для оценки какой-то редкой рукописи. Я была уверена, что они закончат к ужину.

— Странно. Столь поздние встречи совсем не в духе отца, — Мария нахмурилась, глядя на темнеющее окно, по стеклу которого уже размазывались первые капли дождя. — А Антонио? Тоже задерживается?

— Нет, — Кьяра вздохнула. — Его смена в квестуре закончилась два часа назад. Но от него нет известий.

Мария мягко накрыла ладонь сестры своей рукой, пытаясь успокоить её.

— Не тревожься. Ты же знаешь, если объявлен ночной рейд или задержка в порту у Дарсены, Антонио не покинет участок без приказа начальника.

Кьяра слабо кивнула, и на её бледных щеках проступил едва заметный румянец. Затем взглянула на Лео, который возился с деревянными игрушками — старыми, ещё отцовскими, которые помнили детство самой Марии. Бормотал что-то на своём, младенческом языке.

— Я знаю. И он так гордится своей службой в квестуре. И отец ведь потому и настоял, чтобы мы остались жить в особняке после венчания. Сказал, что в доме должен быть молодой агент, на которого всегда можно положиться, — тепло заметила Кьяра, вспоминая приятный момент.

— Наш Антонио действительно человек редкой души, — подхватила в ответ Мария. — Он так бережет тебя, словно ты сделана из тончайшего фарфора. Помнишь, как робко он просил у отца твоей руки на позапрошлом Рождество? У бедняги от волнения даже форменный галстук перекосялся, но взгляд был самым решительным на свете.

Сестры тихо рассмеялись, согретые общим воспоминанием. Когда Кьяра, подхватив на руки окончательно разгулявшегося, но уже сонного Лео, унесла его в детскую, Мария перебралась поближе к камину. Вскоре сестра вернулась, и оставшаяся часть вечера потекла своим чередом — мирно, лениво и тягуче. Устроившись поудобнее у камина, девушки неторопливо обсуждали грядущие выпускные экзамены Марии, делились секретами приготовления маминного пирога и вполголоса говорили о планах отца. Тот уже не раз заводил разговор о том, чтобы со временем передать лавку антиквариата в руки Марии, пускай даже оформленную на Антонио — ведь суровые декреты нового режима ни за что не позволили бы незамужней синьорине вести коммерческие дела самостоятельно.

Чтобы отвлечься и своими переживаниями не давать повода для тревоги, Мария делала вид, что читает старый том Данте, который всегда лежал на журнальном столике — в кожаном переплёте, с выцветшими золотыми буквами на корешке. Строчки прыгали перед глазами, мысли путались.

Она думала об отце. О том, почему он не позвонил и не предупредил, что задержится. О том, что в последнее время он стал слишком отрешённый, замкнутый. Неделю назад она застала его в кабинете за полночь — он сидел в темноте, не зажигая лампы, и смотрел в окно. Когда она поинтересовалась, что случилось, он ответил: Филья миа, ничего. Иди спать. Но его голос звучал так строго и отстранённо, что она не поверила. Затем обронил, уже в спину: Ты у меня умница, тезоро. Не повторяй моих ошибок.

Она списала это на усталость — у антикваров перед Рождеством всегда много работы. Но сейчас, в тишине зала, её вдруг кольнуло сомнение: а была ли это усталость?

Время шло. Каминные часы в углу гостиной глухо пробили десять. Затем — одиннадцать. Мужчины так и не появились. Разговоры смолкли сами собой. И даже чтение книги не помогло убрать гнетущее дурное предчувствие.

Кьяра уже не сидела на месте. Она ходила по комнате, всё чаще подходила к окну, отодвигая тяжёлую портьеру и вглядываясь в пустынную, залитую дождем улицу. Возвращалась к стулу рядом с камином. Садилась. Снова вставала.

Уличный фонарь напротив моргнул и погас. Перегорела лампа — такое случалось в этом районе, электричество было ненадёжным, особенно в дождь. Но Марии показалось, что это сама улица задержала дыхание.

— Мария, это невыносимо, — Кьяра обернулась, её пальцы судорожно сжимали кружевной платочек. — Отец никогда не оставался в издательстве так поздно. Директор Фонтана — приличный человек, он бы не стал держать отца ночью в кабинете. А Антонио... Антонио должен был вернуться со смены четыре часа назад.

Нарастающее чувство тревоги заставило Марию подняться и подойти к настенному аппарату из черного бакелита. Она сняла увесистую трубку и, дождавшись прерывистого гудка станции STIPEL, быстро прокрутила пальцем металлический диск, набирая пятизначный номер издательства.

Трубка долго отзывалась длинными, пустыми гудками. Наконец на том конце провода щелкнуло, и раздался сонный, недовольный голос ночного сторожа:

— Слушаю. Кто в такое время?

— Мне нужен синьор Фонтана или оценщик Моранди. Они ещё в здании?

— Да вы с ума сошли, синьорина, — проворчал старик. — В восемь вечера весь свет в издательстве потушили, синьор директор уехал на своем автомобиле. Здание заперто. Никого здесь нет.

Мария медленно опустила трубку на рычаг. Она стояла, глядя на телефон, и не могла пошевелиться.

— В издательстве никого, — тихо бросила она сестре. — Синьор Фонтана уехал еще четыре часа назад.

Кьяра побледнела так, что веснушки, которые Мария всегда любила на её лице, проступили, словно тёмные пятна на бледном фарфоре. Она сама подбежала к телефону и судорожно набрала прямой номер дежурного Летучего отряда Миланской квестуры.

— Умоляю вас... — взмолилась Кьяра, едва оператор ответил. — Мне нужен агент Антонио Босси. Это его жена. Он не вернулся домой...

— Синьора, агент Босси на специальном задании, связи с ним нет! — рявкнул на том конце провода взвинченный голос дежурного. — Не занимайте линию, квестура не выдает справок гражданским лицам!

В трубке раздались короткие, равнодушные гудки. Кьяра попыталась набрать номер снова, но линия отозвалась короткими гудками отбоя — дежурный попросту отказывался поднимать трубку.

В этот же момент за окном, разрезая ночную сырость, пронзительно завывли сирены оперативников. Мария быстро подошла к окну и приоткрыла портьеру: по залитой дождем улице на бешеной скорости пронеслись два открытых грузовика, до отказа набитых чернорубашечниками в стальных шлемах. В центре города явно происходило что-то масштабное и страшное.

Мария стояла у окна, пока вой сирен не затих в отдалении. За её спиной Кьяра всхлипывала, зажимая рот платком, чтобы не разбудить Лео. Тишина огромного дома, ставшего вдруг отрезанным от остального Милана, сделалась удушающей.

— Мани́, — прошептала Кьяра, — что нам делать?

Мария не ответила. Она всё ещё смотрела в окно, на пустую улицу, на погасший фонарь. Потом сказала, не оборачиваясь:

— Я поднимусь наверх. Посмотрю в кабинете отца. Возможно, он оставил записку.

Кьяра кивнула, вытирая щёки тыльной стороной ладони.

Кабинет Альберто Моранди находился на втором этаже, в конце длинной галереи. Стены здесь были обиты тёмным деревом, и даже днём царил полумрак. Сейчас, ночью, это пространство казалось бесконечным — шаги Марии тонули в толстом ковре, и ей чудилось, что она идёт по нему уже целую вечность.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Она толкнула её — створка подалась без скрипа, словно её открывали не раз за последние часы. Мария вошла и замерла на пороге.

Внутри пахло отцом. Тосканские сигары — сладковатые, с нотками ванили, которые он курил на исходе дня, просматривая свежую газету. Старая кожа кресла, протёртая на подлокотниках. Воск, которым он сам натирал стол по воскресеньям. И ещё что-то едва уловимое — одеколон Acqua di Parma, флакон которого стоял на его туалетном столике в спальне. Эти запахи ударили Марию в грудь так, что перехватило дыхание.

Она включила настольную лампу. Зелёный стеклянный абажур — тот самый, с трещиной, которую Лео сделал год назад, когда кинул в отца деревянной машинкой. Мария тогда подумала: Ничего, папа, мы купим новый. А отец сказал: Лаша старе. Он мне теперь роднее. Она провела пальцем по трещине — шершавая, как сухая кожа.

Свет упал на ореховую столешницу. Книги стопкой — три тома в кожаных переплётах, с золотым тиснением. Раскрытая тетрадь, в которую отец записывал свои мысли — мелким, убористым почерком. Перо в чернильнице — он не убирал его, только промокнул насухо. На промокашке расплылись фиолетовые разводы — те же чернила, что и на пальце Марии.

Она села в кресло отца. Кожа низко, жалобно застонала под чужим весом. Мария откинулась на спинку, закрыла глаза. На секунду ей показалось, что она слышит его шаги в коридоре, его покашливание, когда он поднимается по лестнице, держась за перила — в последнее время он сетовал на сырость, жаловался на погоду.

Но шагов не было. Только дождь за окном. Только тиканье настенных часов — Мария никогда прежде не замечала, как громко они стучат. Они висели над дверью, старые, с медным маятником, и, наверное, их завели ещё при её деде.

Она открыла глаза. Огляделась.

Пепельница на подлокотнике была пуста. Отец курил каждые полчаса — это была его привычка, почти ритуал. Сначала он раскуривал сигару — долго, с наслаждением, потом делал три затяжки и тушил. Но сегодня, судя по всему, не выкурил ни одной. Окно было приоткрыто — холодный октябрьский воздух тянулся с улицы, шевелил край занавески. Отец всегда запирает окно на ночь. Всегда. Даже в августе, когда в Милане стояла невыносимая духота — он говорил, что боится сквозняков.

Что-то было не так. Мария не могла объяснить, что именно — но тело знало раньше, чем голова. Пальцы сжались, спина выпрямилась.

Она подалась вперёд — и почувствовала спиной что-то твёрдое.

Засунула руку за подушку кресла. Нашупала сложенный вчетверо лист.

Она вытащила его. Бланк их антикварной лавки — плотная бумага, почти картон, с водяными знаками в виде лилий, которые отец заказал у флорентийского печатника. Мария развернула его. На обороте — торопливые, почти нечитаемые строчки.

Почерк отца. Но какой-то чужой. Буквы падали, перо срывалось, оставляя жирные кляксы. словно он писал в темноте. Или пока никто не видел. Или, когда руки дрожали так сильно, что он не мог держать ручку.

Къеза ди Сан-Феделе. Церковь Сан-Феделе. Строка обрывалась... Дальше — клякса, несколько неразборчивых слов, и снова чётко: «500», «9». И два португальских слова в самом низу. Те самые. Которые они разбирали с ним прошлой ночью.

Мария перечитала ещё раз. Потом ещё. Она шевелила губами, силясь понять, что это значит. Сан-Феделе — старая иезуитская церковь в центре Милана, она проходила мимо неё сотни раз. 500. 9. Что это? Номера? Количество? Даты?

Она не понимала. Но пальцы её вдруг задрожали — мелко, противно, так что лист затрепетал в руках. Она сунула его в карман юбки и нашупала там же, под подушкой, что-то тяжёлое.

Ключ.

Она вытащила его на свет. Латунь, старая, с зеленоватым налётом в бороздках — следы времени, которые не счищались. Бороздка — не как у их домашних ключей, короткая, с какими-то выступами. Мария вытащила из кармана свой ключ от парадной двери — обычный, плоский, на связке с выцветшим триколором. Сравнила.

Ничего общего.

Чужой ключ был массивным, налитым свинцом. Тяжелее, чем казался на вид. Мария сжала его в кулаке — латунь успела нагреться от ладони, или ей показалось? Она поднесла ключ к глазам. На бороздке были какие-то царапины — не случайные, правильные. Буквы? Цифры? Она не могла разобрать.

За окном снова завывала сирена. На этот раз ближе. Мария вздрогнула, выронила ключ на пол. Он упал с глухим стуком — слишком весомым для такого маленького предмета. Она подняла его, сунула обратно в карман, рядом с листом.

Мария поднялась, выключила лампу. Зелёный свет погас, и комната утонула в темноте — только слабый отблеск дальних уличных фонарей пробивался сквозь неплотно задёрнутую портьеру.

Мария вышла в коридор. Дверь за ней закрылась сама — Мария даже не помнила, приотворила ли её. На лестнице она остановилась. Прижалась лбом к холодной стене, оклеенной обоями с мелким цветочным узором. Постояла так минуту, другую. Потом выпрямилась и спустилась в гостиную.

Кьяра сидела на диване, прижимая к груди подушку — ту самую, расшитую бисером, которую их мать сделала своими руками. Лео спал в своей кроватке в детской — наконец-то перестал плакать, только изредка всхлипывал во сне.

Мария села рядом и взяла сестру за руку. Кьяра посмотрела на неё — и Мария увидела в её глазах такое отчаяние, что у неё самой сжалось сердце.

— Ничего нет, — сказала Мария. — Только старые бумаги. Счета. Ничего важного.

Кьяра кивнула, не поднимая головы.

Мария солгала. И сама не понимала почему.

Каждая минута после полуночи тянулась как вечность. Кьяра, обессилев от безмолвного страха и слез, под утро заснула прямо в кресле, поджав ноги и свернувшись калачиком. Мария сидела напротив, не смыкая глаз, вглядываясь в предрассветные сумерки за стеклом. Шестое чувство подсказывало ей: этот особняк доживает свои последние мирные часы.

Она думала об отце. О странной записке, которая сейчас лежала в её кармане. О ключе, который ни к чему в этом доме не подходил. *Кьеза ди Сан-Феделе*. Зачем отец написал именно эту церковь? И почему он написал это так — торопливо, обрывисто, словно боялся, что не успеет?

на вытащила лист из кармана. Перечитала в который раз. При блёклом, сером свете занимающегося утра буквы плясали. *Chiesa di San Fedele. Domani*. Пятьсот. Девять. Пятьсот чего? Девять чего? И два португальских слова в самом низу — *volume (том)* и *destino (судьба)*, — которые никак не давали ей покоя.

К шести утра она задремала — и, казалось, тут же проснулась от оглушительного, тяжёлого стука в парадную дверь. Били прикладом прямо в дубовое полотно. Кьяра вскрикнула, мгновенно просыпаясь. А Лео в детской разразился испуганным плачем.

Мария поднялась, чувствуя, как от сидения затекли ноги. Оправив подол твидовой юбки, она твердо шагнула в прихожую. Кьяра, бледная как смерть, шла следом, прячась за её спиной.

Мария повернула тяжелый засов. Дверь тут же с силой толкнули снаружи.

На пороге стоял судебный пристав гражданского трибунала в суконном пальто и фетровой шляпе, а за его спиной — двое карабинеров в строгой темно-синей форме. Чуть в стороне, лениво опершись о перила, стоял плотный мужчина с сытым лицом и слишком близко посаженными глазами.

На нём была гражданская одежда: дорогое тёмное пальто из английской шерсти, идеально начищенные ботинки, на мизинце левой руки — массивный золотой перстень с печаткой. Мужчина держал руки в карманах и смотрел на происходящее спокойно, деловито, без единой эмоции. Он не ухмылялся, не торжествовал. Просто наблюдал — как оценщик на складе, как бухгалтер, сверяющий цифры. Его лицо казалось вырезанным из старого дерева — ни морщинки, ни тени чувства.

Мария не знала его имени. Но по тому, как пристав изредка оглядывался на него — коротко, вопросительно, — догадалась: этот человек — глаза и голос того, кто теперь владел их домом.

— Синьорина Моранди? — сухо спросил судебный пристав, даже не снимая шляпы и разворачивая перед Марией плотную бумагу с государственной печатью. — Согласно ордеру Королевского трибунала Милана на всё имущество Альберто Моранди налагается арест. Вашим отцом были подписаны коммерческие векселя на сумму в один миллион лир под залог данного недвижимого имущества. Срок выплаты истек, обязательства не выполнены. Истец, синьор Моретти, задействовал процедуру исполнительного производства по опротестованному векселю и потребовал немедленного взыскания. Стоимость особняка и антикварной лавки покрывает эту сумму. Суд обращает взыскание на особняк и лавку в пользу заявителя.

Пристав указал глазами на молчаливого мужчину у перил. Тот не двинулся с места. Только слегка склонил голову — не поклон, не кивок, а жест человека, который подтверждает: Си, э пер мэ. Да, это в мою пользу.

Мария смотрела на бумагу, но слова не доходили до неё. Они рассыпались в воздухе, не долетая до сознания. Она слышала только свой пульс — глухой, тяжёлый, отдающий в висках. *Арест. Векселя. Миллион лир.* Этого не могло быть. Отец никогда не говорил о долгах.

— Что это значит? — голос Марии прозвучал тихо, но твердо. — Где мой отец?

Судебный пристав равнодушно перелистнул страницу акта — бумага хрустнула, как сухой лист.

— Ваш отец, синьор Альберто Моранди, скончался вчера вечером в подпольном игорном заведении на виа Сан-Бабила во время облавы, проводимой квестурой. Труп доставлен в Институт судебной медицины при больнице Маджоре. У вас ровно один час, чтобы собрать личные носильные вещи и покинуть помещение. Прошу не препятствовать описанию имущества. Карabinieri, заходите.

Кьяра за её спиной издала дикий, животный крик, теряя сознание и медленно сползая по стене на мраморный пол. Карabinieri бесцеремонно прошли внутрь, гремя тяжелыми сапогами, и начали вешать красные сургучные печати на дорогие комоды гостиной.

Кьяра обмякла в её руках, став безжизненной и неподъёмной. Марии едва удалось подхватить сестру за плечи, уберегая от падения. Лео в детской плакал навзрыд, захлёбываясь, и этот плач врезался в голову Марии раскалённой иглой. Глаза Кьяры закатились, губы побелели.

Она опустилась на колени, прижимая сестру к себе. Пол был холодным — мрамор, который всегда казался тёплым под ногами, сейчас леденил колени.

— Кьяра, сэнтими Кьяра, услышь меня, очнись!

Кьяра открыла глаза. Взгляд был мутным, невидящим. Она смотрела сквозь Марию, сквозь стены, сквозь этот серый, удушливый день, который только начался, но уже уничтожил всё.

— Мани? Папа э морто? (Папа умер?)

Мария не могла говорить. Горло сдавило так, что ни звука не выходило. Она только кивнула.

Кьяра закрыла глаза. Слезы текли по её щекам — молча, без всхлипов.

— Пойдём. Нам нужно к Лео.

Имя сына сработало. Кьяра встрепенулась. Кивнула. Позволила увести себя наверх, в детскую.

Лео стоял в кроватке, красный от крика, протягивал к ним маленькие ручонки — пухлые, с ямочками на суставах. Кьяра взяла его на руки, прижала к себе — крепко, почти до боли, так что ребёнок захныкал, но она не ослабила хватки. И замерла. Не плакала. Просто стояла, уткнувшись лицом в сына, вдыхая его запах — молока и ванили, детства и невинности.

Мария оставила их и спустилась вниз.

Весь её мир разлетелся вдребезги. В ушах пронзительно звенело, ноги подкашивались, а к горлу подступала тошнота. Отец мертв. Их дом отбирают. Они на улице. Но дикий, парализующий шок в следующую секунду сменился ледяным расчетом. Ей нельзя было падать.

— Я... я должна собрать детские вещи племянника и свои книги для университета, — твёрдо сказала Мария, преграждая дорогу судебному приставу.

— Носильные вещи и учебные тетради брать разрешено, — равнодушно буркнул тот, делая пометку в бланке. — Шевелитесь, синьорина. Время пошло.

Пока она впопыхах собирала свои вещи, а также вещи Кьяры, Лео и Антонио, судебный исполнитель ходил по комнате с блокнотом, помечая цифры. Голос у него был монотонный, как у священника, читающего отходную. Поверенный Моретти по-прежнему стоял у камина. Он не вмешивался, не приказывал. Только смотрел со скучающим безразличием.

Мария стояла у лестницы, глядя, как чужие люди в форме перебирают вещи, которые собирали три поколения Моранди. Фарфоровый сервиз, доставшийся от бабушки — с синими цветочками, из которого никто не смел пить, кроме как в Рождество. Кружева, которые Кьяра

вышивала к приданому — тончайшая работа, каждый стежок с молитвой. Шахматы из слоновой кости, в которые отец играл с Антонио по воскресеньям, и Антонио всегда проигрывал, потому что не мог уследить за всеми ходами. На журнальном столике, рядом с томом Данте, кто-то бросил свежий номер *Corriere della Sera* — Мария машинально отметила дату: 9 октября 1930 года, восьмой год фашистской эры. На первой полосе — портрет Муссолини, его квадратная челюсть и надутые губы.

Она не плакала. Не могла. Слезы застряли где-то глубоко, превратившись в ледяной ком, который давил изнутри.

Один из мужчин в строгом темном мундире даже не посмотрел на Марию, а бесцеремонно отодвинул её рукой в сторону. Семейю Моранди вычеркивали из их собственного дома.

Мария спустилась в гостиную с вещами. Кьяра спустилась следом, с Лео на руках. Малыш успокоился — плакать больше не было сил. Он лежал на плече у матери, глядя на чужих людей широкими, испуганными глазами, и сосал кулак.

Кьяра остановилась на пороге гостиной. Посмотрела на поверенного. В её взгляде не было страха — только холодная, спокойная злость, которую Мария никогда в ней не видела.

— Ки э куэстуомо? — спросила она у Марии, не скрывая голоса. — Почему он смотрит на нас?

— Он от того, кто теперь владеет нашим домом.

Кьяра перевела взгляд на поверенного. Собрала все силы, какие в ней остались. Лео завозился, она крепче прижала его к себе.

— Передайте своему хозяину, — сказала она, стараясь, чтобы голос не сорвался, — он забрал крышу над головой моего сына. *Mio marito è un agente della Squadra Volante*. Мой муж Агент Летучего отряда. Он вернётся. И он спросит.

Поверенный не ответил. Не усмехнулся. Не сделал ни шагу. Он просто смотрел — ровно, отстранённо, со скучающим безразличием. Как на мебель, которую выносят из дома. Как на пустое место.

Его молчание казалось Марии страшнее любого оскорбления.

Пристав, не поднимая глаз от описи, сухо бросил через плечо:

— *Signora*, прошу не мешать исполнению судебного решения. У вас есть уже меньше часа. *Lo usi con saggezza*. (*Используйте его с умом*).

Кьяра сжала губы так, что они побелели и исчезли вовсе. Секунду казалось — сейчас она бросится на этого человека с кулаками, забудет про Лео, про приличия, про всё. Но Лео заворочался, приглушённо захныкал, и это остановило её. Она перевела дыхание, прижала сына к груди и сказала уже тихо, но с такой злостью, что у Марии мороз пошёл по коже:

— *Il nostro giorno verrà*. (*Наш день придёт*).

Поверенный не ответил. Только чуть склонил голову — жест, который можно было принять за поклон, если не знать, что это было просто измерение дистанции.

Кьяра опустила глаза. Плечи её дрогнули.

Мария подошла к ней, встала перед сестрой и Лео, загораживая их от пристава, от карабинеров, от чужого человека с перстнем на пальце.

— Мы поняли, — сказала она. Голос её был ровным, хотя внутри всё дрожало — мелко, противно, как тогда, в кабинете отца. — У нас есть меньше часа.

Поверенный подал знак — короткий кивок приставу, почти незаметный. Тот отступил на шаг, кивнул карабинерам, чтобы те тоже отошли.

Поверенный посмотрел на Марию. Сказал тихо, только для неё — так, что Кьяра не услышала:

— Если ваша семья найдёт способ закрыть долг — сказал он, — *signor Moretti* не держит зла на должников, которые платят. Особняк можно будет вернуть.

Мария не обернулась. Глядя прямо перед собой, на лестницу, на портрет короля в прихожей, ответила едва слышно, одним лишь дыханием:

— *Lo ricorderò. (Я запомню).*

Она подхватила Кьяру под локоть, и они вышли из гостиной к прихожей, где у дверей их уже ждал собранный впопыхах багаж.

Час истёк.

Мария и Кьяра стояли на сыром тротуаре у ворот своего бывшего дома. Дождь уже кончился, но воздух был тяжёлым, влажным, пахло мокрым асфальтом и увядшими листьями. Два дорожных кожаных чемодана у их ног — это всё, что осталось от их прежней благополучной жизни. В одном — детские вещи Лео, распашонки, пинетки, погремушка в виде зайца, которую Кьяра схватила в последний момент. В другом — вещи Антонио, Кьяры, книги Марии, её рабочая тетрадь с португальскими записями, смена белья и тёплое зимнее платье. Лео, уставший плакать, дремал на руках у матери, изредка всхлипывая во сне. Его головка свесилась набок, рот был слегка приоткрыт. *Как же замечательно быть таким маленьким человеком, которому еще ничего не нужно, кроме матери,* — подумала Мария.

Мария поплотнее запахнула пальто, защищаясь от октябрьского ветра. Судебный пристав запер дубовую дверь со львом на массивный замок и наложил королевскую печать трибунала — красный сургуч, капнувший на бумажную ленту, застыл на глазах, превращаясь в твёрдую, блестящую каплю. Ключ громко щёлкнул — звук был похож на выстрел. Мария вздрогнула.

Поверенный Моретти прошёл мимо них, даже не удосужившись бросить беглого взгляда. Сел в чёрный автомобиль — «Fiat 514», с кожаным верхом и никелированными ручками. Дверцу ему открыл шофёр в кепке и серой куртке. Двигатель заурчал, машина медленно отъехала от тротуара, разбрызгивая лужи, и вскоре скрылась за углом.

Мария смотрела ей вслед, сжимая сквозь плотную ткань габардинового пальто тяжёлую латунь и сложенный вчетверо лист с отцовскими каракулями, спрятанные в кармане юбки.

Она заметила Антонио, когда он был ещё за квартал.

Он шёл пешком — медленно, тяжело, как человек, которого вынудили идти против воли. Синяя форменная шинель — та самая, в которой он венчался с Кьярой четыре года назад, — была помята, забрызгана грязью по самую кромку. Португези на поясе не было — только пустая кобура болталась на ремне, как ненужный придаток, бесполезная и позорная. Лицо серое, с землистым оттенком, под глазами — чёрные тени, каких Мария никогда у него не видела. Щетина темнела на щеках и подбородке.

Он шёл, глядя в мостовую и с трудом волоча ноги — его давила не физическая усталость, а невыносимая необходимость подойти к запертому дому. Остановился в трёх шагах. Только тогда поднял глаза. Посмотрел на опечатанную дверь. На сургучные печати, блестящие в сером утреннем свете как капли засохшей крови. Потом перевёл взгляд на Кьяру.

Кьяра сделала шаг к нему. Сама. Не бросилась, не заплакала. Просто подошла и остановилась напротив, держа спящего Лео на руках.

Антонио смотрел на неё. На сына. На чемоданы. На Марию.

— *Chiara...* — начал он. И замолк.

Он стоял, судорожно глотая холодный воздух, но так и не смог вытолкнуть ни единого звука. Кадык его мучительно дёрнулся.

Антонио шагнул вперёд и положил голову ей на плечо. Кьяра обняла его свободной рукой — неловко, почти неудобно, потому что на другой руке спал Лео. Антонио замер, уткнувшись лицом в её шею. Плечи его дрожали — мелко, беззвучно.

Они стояли так долго. Прохожие обходили их стороной — никто не хотел связываться с женщиной с чемоданами и агентом без оружия. Где-то вдалеке гремел трамвай, хлопали двери, кто-то громко разговаривал — но здесь, у опечатанного особняка, время остановилось.

Потом Антонио отстранился. Молча расстегнул шинель — показал пустую кобуру. Её кожаный клапан был откинут, обнажая глухую темноту внутри. Он заговорил тихо, надломлено, глядя куда-то в сторону, но не на Кьяру:

— *Niente (Ничего)*, — покачал головой Антонио, а затем глухо продолжил: — Кьяра... Мария... Простите меня, я не мог уйти из участка. Я сам был в этой облаве... Я опознал синьора Альберто под столом рулетки. Но как только вице-комиссар Кортеше узнал, что я зять синьора Альберто, Летучий отряд мгновенно отобрал у меня оружие и *tesserino*. Меня допрашивали в камере до самого утра, подозревая в соучастии. Отпустили только час назад и временно отстранили от службы до окончания дознания. Я отвезу вас к своим родителям на виа Падуа.

Кьяра кивнула. Как будто ждала этого. Как будто знала. Просто кивнула.

— *Andiamo*, — сказала она. — Пойдём.

Мария стояла рядом, не разжимая побелевших пальцев на ручке чемодана. Тяжесть латунного ключа в кармане юбки и университетская рабочая тетрадь с португальскими записями на дне сумки теперь казались единственным, что связывало её с прошлой жизнью. Затем в последний раз взглянула на запертую дубовую дверь и наложенную поверх герба королевскую печать. Лишь сейчас, под холодным октябрьским дождем, она до конца осознала: их прежний мир разрушен, но она найдет способ вернуть свой дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.